

Константин
БАЛЬМОНТ

Стихотворения

Москва
2017

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б21

Серия «Всемирная библиотека поэзии»

Оформление *И. Саукова*

В оформлении переплета использован рисунок
«Портрет поэта Константина Бальмонта», 1905 г.
художника Валентина Серова (1865–1911)

Серия «Золотая серия поэзии»

Оформление *А. Новикова*

В оформлении переплета использованы репродукции
картин: «Пионы», 1915 г. художника Чарльза Каррена
(1861–1942) и «Утренняя прогулка», 1888 г.
художника Джона Сингера Сарджента (1856–1925)

Бальмонт, Константин Дмитриевич.

Б21 Стихотворения / Константин Бальмонт. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-04-004492-4 (Всемирная библиотека поэзии)
ISBN 978-5-04-004491-7 (Золотая серия поэзии)

Константин Бальмонт (1867–1942) — поэт «мимолетности», мгновения, ворвавшийся в русскую поэзию как метеор, один из виднейших представителей старшего поколения символистов и Серебряного века. «Солнечные» стихи, «моцартианское» начало поэзии К. Бальмонта настолько приглянулись по душе современникам, что начинающие поэты того времени часто начинали с подражания поэту, как некогда сам Бальмонт начинал с подражания Некрасову. «Кому дорога русская поэзия, тому навсегда будет дорого певучее имя Бальмонта», — сказал о поэте Георгий Адамович. В книге собраны не только самые знаменитые, но и малоизвестные стихи поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-004492-4
ISBN 978-5-04-004491-7

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

СТРУЯ

Наклонись над колодцем, — увидишь ты там:
Словно грязная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть чернеется мглистая,
Как в суровых объятьях угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая.

1885

Из книги
«ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ»

Элегии, стансы, сонеты

1894

Ohne das gefolge der trauer
ist mir das göttliche im leben
nie erschienen.

*Lenau*¹

ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск луны
приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных
грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны,
шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.
Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное
моление,

¹ Божественное в жизни всегда являлось мне в сопровождении печали. *Ленау (нем.)*.

К лесам, к горам, к вершинам белоснежным
Я мчусь в мечтах, как будто дух больной,
Я бодрствую над миром безмятежным,
И сладко плачу, и дышу — луной.

Впиваю это бледное сиянье,
Как эльф, качаюсь в сетке из лучей,
Я слушаю, как говорит молчанье.

Людей родных мне далеко страданье,
Чужда мне вся Земля с борьбой своей,
Я — облачко, я — ветерка дыханье.

НИТЬ АРИАДНЫ

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной, проворной рукою;
Хочу для грядущих столетий покорно
и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, —
Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется, чрез многие
тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездой.
Есть много несказанных слов
И много созданий, не созданных ныне, —
Их столько же, сколько песчинок среди
бесконечных песков
В немой Аравийской пустыне.

БЕЗ УЛЫБКИ, БЕЗ СЛОВ

На алмазном покрове снегов,
Под холодным сияньем луны,
Хорошо нам с тобой! Без улыбки, без слов,
Обитатели призрачной светлой страны,
Погрузились мы в море загадочных снов
В царстве бледной луны.

Как отрадно в глубокий полуночный час
На мгновенье все скорби по-детски забыть
И, забыв, что любовь невозможна для нас,
Как отрадно мечтать и любить —
Без улыбки, без слов,
Средь ночной тишины,
В царстве чистых снегов,
В царстве бледной луны.

РОДНАЯ КАРТИНА

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.
Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжкой скорби
Покачнулася изба.
Полусвет и полусумрак,
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

* * *

Я знаю, что значит — безумно рыдать,
Вокруг себя видеть пустыню бесплодную,
Что значит — с отчаяньем в зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимн соловья
Лишь тем и хорош, что похож на рыдание,
Что гор снеговых вековое молчание
Прекрасней, чем лепет ручья.

ПРИЗРАК

Где б ни был я, везде, как тень, со мной —
Мой милый брат, отшедший в жизнь иную,
Тоскующий, как ангел неземной,
В своей душе таящий скорбь немую, —
Так явственно стоит он предо мной.

И я, как он, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смеюсь ли, — дух родной, —
Он никогда меня не покидает,
Со мной живет он жизнью одной.

Лишь иногда в тревожный час ночной
Невольно ум в тоске изнемогает,
И я его спрошу: «В стране иной,
За темную загадочной могилой,
Увидимся ль с тобой, о, брат мой милый?»

В его глазах тогда мелькает тень,
И слезы он блестящие роняет,
И как пред ночью тихо гаснет день,
Так от меня он тихо улетает.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ

Сонет

Еще последний снег в долине мгlistой
На светлый лик весны бросает тень,
Но уж цветет душистая сирень,
И барвинок, и ландыш серебристый.

Как кроток и отраден день лучистый,
И как приветна ив прибрежных сень.
Как будто ожил даже мшистый пенъ,
Склонясь к воде, бестрепетной и чистой.

Кукушки нежный плач в глуши лесной
Звучит мольбой тоскующей и странной.
Как весело, как горестно весной,

Как мир хорош в своей красе неожиданной —
Контрастов мир, с улыбкой неземной,
Загадочный под дымящей туманной.

ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками
носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?

Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

* * *

Катерине Алексеевне Андреевой

Я расстался с печальной луною, —
Удалилась царица небес;
Там, в горах, за их черной стеною,
Ее лик омраченный исчез.

И в предутреннем сумраке ясном
Мне послышался вздох ветерка,
И в лазури, на небе прекрасном,
Отразилась немая тоска.

Силуэты лесных великанов
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащих туманов
Над заплаканным лугом легли.

Вся природа казалась больною
И как будто молила меня,
И грустила, прощаясь с луною,
В ожидании знойного дня.

* * *

О женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскую!

Люблю и рвусь к тебе, прощаю и люблю,
Живу одной тобой в моих терзаниях страстных,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себе — за взгляд очей прекрасных,
За слово лживое, что истины нежней,
За сладкую тоску восторженных мучений!
Ты, море странных снов, и звуков, и огней!
Ты, друг и вечный враг! Злой дух и добрый гений!

К. Бальмонт. 1892 г.

ЛАСТОЧКИ

Земля покрыта тьмой. Окончен день забот.
Я в царстве чистых дум, живых очарований.
На башне вдалеке протяжно полночь бьет,
Час тайных встреч, любви, блаженства и рыданий.

Невольная в душе тоска растет, растет.
Встает передо мной толпа воспоминаний,
То вдруг отпрянет прочь, то вдруг опять прильнет
К груди, исполненной несбыточных желаний.

Так в знойный день, над гладью вод речных
Порою ласточка игриво пронесется,
За ней вослед толпа сестер ее живых.

Веселых спутниц рой как будто бы смеется,
Щебечут громко все, — и каждая из них
Лазури вод на миг крылом своим коснется.

ЧЕЛН ТОМЛЕНЬЯ

Князю А.И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
Ласточки лепет. Лобзанье лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
Светлый свободный журчащий ручей.